

Отзыв
официального оппонента о диссертации
Юлии Николаевны Мажариной
на тему «Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева:
особенности поэтики», представленной на соискание ученой
степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.10
– журналистика

Последние годы в контенте журналистики существенно усилилась ее историческая проблематика. На экранах телевидения мы видим посвященные прошлому циклы передач, журналы, документальные кинофильмы, воспоминания участников их событий, ветеранов войн.

Мемуары являются неким окном в прошлое, которое открывает нам бывалый человек. Автор мемуаров – добровольный летописец. Сам этот творческий продукт можно рассматривать как жанр исторической журналистики, – один из самых древних жанров словесности. В условиях виртуального, современного информационного процесса он получает все большее распространение. С этих позиций кандидатская диссертация Ю. Н. Мажариной достаточно **актуальна**.

С другой стороны, говоря об актуальности проведенного Ю. Н. Мажариной исследования мемуаров на примере конкретной творческой практики такого мастера пера, как писатель и публицист Б. К. Зайцев (1881-1972 гг.), надо иметь в виду их обращенность к традициям русской публицистики, особенностям ее лаборатории. Это представляет актуальный научный интерес в связи с теми потерями, которые понесла русская публицистика в советский период – период секуляризации общества, попыток насильственного устранения из него духовно-религиозной сферы. Исследователи справедливо отмечают то, что русские литераторы, невольно оказавшиеся в эмиграции, сохранили полноценную духовную наполненность литературного и публицистического слова.

Так, Е. В. Воропаева подчеркивает: «Духовное развитие Зайцева шло от неопределенного мистического ощущения божественности мира к твердому православию, переломным моментом на этом пути оказалась революция, которую он решительно не принял». Сам Борис Константинович замечал: «Живя вне Родины, я могу вольно писать о том, что люблю в ней – о своеобразном складе русской жизни...»,

русских святых, монастырях, о замечательных писателях России». **Научная новизна** диссертации Ю. Н. Мажариной находит отражение в том, что ее автор обратился к еще неизученной в совокупности мемуарной публицистике видного русского литератора, хотя его богатое творчество в постперестроечный период активно изучается (О. Н. Михайлов, В. М. Толмачев, О. А. Кашпур, Н. Н. Кознова и др.). **В эмпирическую базу диссертации** входят мемуарные портретные очерки, опубликованные Б. К. Зайцевым в периодике русского зарубежья: «Последних новостях», «Современных записках», «Русских записках», «Новом русском слове» и др. Многие из этих очерков войдут в сборники: «Москва», «Далекое», «Мои современники», «Братья-писатели». Кроме того, надо иметь в виду то, что в ряде изданий Зайцев был сотрудником. Так, только в газете «Возрождение», куда он перешел из «Последних новостей», им было напечатано около 200 произведений (подсчет В. М. Толмачева). Все это огромное наследие писателя еще не изучено. Выборку произведений для исследования Ю. Н. Мажарина сделала удачно. Выборка является вполне представительной для диссертационной работы.

Ю. Н. Мажарина поставила перед собой значительные задачи, имеющие большой научный интерес. В **теоретическом плане** автор диссертации пытается проследить генезис русской мемуаристики, «ее движение от прамемуаристики к самостоятельному жанру»; выявить природообразующие признаки мемуаров; охарактеризовать формы авторского «Я» в мемуарах. Несколько скромнее выглядят задачи, поставленные Ю. Н. Мажариной для решения основной цели исследования – выявление особенностей поэтики мемуарных портретных образов. Здесь автор диссертации ставит задачу определить место публицистики и мемуаристики в творческой биографии Б. К. Зайцева и обозначить особенности его портретных очерков, их образную структуру, «специфику повествования и принципы создания».

Как же исследовательница выполнила поставленные перед собой задачи? В **первой главе** «Мемуары как вид литературного творчества в отечественной словесности» (с. 17-74) Ю. Н. Мажарина пытается представить эволюцию анализируемого жанра от прамемуаристики к «самостоятельному исследовательско-образному жанру публицистики». При этом она показывает исторический контекст мемуаров, их природообразующие признаки; состояние теории, описывающей особенности мемуаров. На страницах главы вспоминаются летописи, произведения Афанасия Никитина, князя В.

В. Голицына, подъячего Г. К. Катошихина, протопопа Аввакума и др. Автор диссертации считает, что XVIII век – это период «полного выхода мемуаров из прамемуаристики», период их рождения как «самостоятельного жанра» (с. 23). Правда, XVIII веку отведено Ю. Н. Мажариной две страницы, а последующему и того меньше. В итоге текст этой части ее работы носит обзорный характер и изобилует перечнями фамилий и произведений.

В большей части первой главы Ю. Н. Мажарина осмысливает природу мемуаров как самостоятельного жанра. При этом она показывает эрудицию, широту знания научной и учебной литературы о жанрах вообще и о мемуарах в особенности. Из множества затрагиваемых в диссертации проблем я бы отметил разговор о документализме мемуаров. Как известно, мемуары историками не относятся к документальным источникам исследования. Тем не менее, есть смысл в том, чтобы разобраться и понять характер документализма мемуаров. Ю. Н. Мажарина, так или иначе, обращается к этой проблеме неоднократно и не только в первой главе – специально (с. 41, 44-47, 59, 69 и др.), но и во второй главе. «Субъективность – неотъемлемая черта мемуарного жанра» (с. 43); «Фактологичность - неотъемлемая черта мемуарного жанра» (с. 45); «Художественная литература – жизнеспособна, мемуары достоверны»... И т. д. Такие формулировки, иногда звучащие красиво, требуют емкой аргументации, а она в теоретической части диссертации часто сводится к приведению мнения литературного критика, литературоведа, историка литературы и т. п. - и комментария автора работы. Этого явно недостаточно для того, чтобы раскрыть природу документализма мемуаров. Наиболее плодотворным утверждением в ряду высказанных диссертанткой является ее вывод: «Субъективность достоверности не противоречит. Ибо достоверен сам факт существования мемуариста, воспоминания являются документом времени при очевидной субъективности воспроизведения реальности» (с. 44).

В целом, расширенные формулировки поставленных в диссертации задач общетеоретического характера нам представляются не совсем оправданными. Этой части работы, где автор дает определения понятиям, опираясь на мнения, как теперь говорят, экспертов, не хватает самостоятельности в системе аргументации. Автор пишет свободно, как бы в полете, что видно из уже процитированных текстов, но для научного текста этого не всегда достаточно.

Вторая глава «Специфика портретных очерков в мемуаристике Б. К. Зайцева» является в диссертации основной. Поэтику мемуарных портретных очерков писателя Ю. Н. Мажарина исследует всесторонне, опираясь на хорошую фактологическую базу – наиболее известные и типичные для творчества Б. К. Зайцева произведения – не только мемуарные портретные очерки, привлекая для сравнения произведения и других авторов. В проблемно-тематическом комплексе публицистики эмигрантской поры писателя Ю. Н. Мажарина вычленяет 5 блоков (с. 76-78): «ностальгия по утраченной России», «вера как основа жизни», «повседневная жизнь эмиграции», цикл художественной публицистики об Италии, рассказы о великих русских писателях прошлого. Вся публицистика Б. К. Зайцева, по выводу диссертантки, «пронизана запахами русской земли»: «Мотив России, родной земли, почвы, как основы становится одним из главных в период эмиграции» (с.79). Это имеет особое значение и для мемуарных портретных очерков писателя. Их «господствующим образом... становится Россия – некий ключевой образ-символ, наполненный нравственно-философским содержанием». Б. К. Зайцев как бы вписывает свою портретную галерею и собственное авторское очерковое «Я» в «родную русскую стихию» с ее позитивом и негативом. Поэтому же он достаточно пристрастен к тем, кто как-то причастен к Совдепии (М. Горький, А. Блок и др.). Собственно, возможно, благодаря этому, образ эпохи, занимающий, по мысли Ю. Н. Мажариной, значимое место в мемуарных портретных очерках Б. К. Зайцева, воссоздается более реальным и зримым. В них возникает двуединый образ – России - мирной довоенной и революционной. Поэтика мемуарной прозы писателя, подчиненная свободе волеизлияния личности, синтезирующая в себе все богатство его творческой лаборатории, наиболее удачно представлена в таких параграфах, как «Структура мемуарных портретных очерков», «Искусство повествования», «Поэтика образа в мемуарной публицистике Б. К. Зайцева». Здесь исследуются проблемы интерпретации писателем «пространственно-временных отношений», их концептуальность для этой части его творчества; проблема соотношения биографического личного времени и времени исторического, позволяющего говорить об «авторской концепции времени»; принцип свободного построения текстов. Правда, при этом Ю. Н. Мажарина иногда прибегает к таким терминам, как «одна общая схема построения очерков» (с. 105) и еще хуже – «стандартная зайцевская схема» в воспоминаниях о К. Д. Бальмонте, П. М. Ярцеве (с. 106). Это, похоже, исключает принцип свободы...

Автор приходит к заключению: «Пространственная позиция мемуариста в настоящем относительно стабильна и специально не фиксируется в тексте очерков. Пространственная точка зрения в прошлом обычно подвижна. Пространство прошлого, воссоздаваемое в воспоминаниях, как правило, неоднородно и состоит из ряда сменяющих друг друга локальностей. Основным пространственным образом мемуарных портретных очерков Б. К. Зайцева становится образ жизненного пути героя и самого автора» (с. 108). В связи с религиозными представлениями писателя о жизни этот путь получает в его мемуарах продолжение в «возвращении героя из небытия» (в пример приводятся воспоминания о Д. С. Мережковском и З. Н. Гиппиус). К сожалению, разговор об этой авторской идее сведен к ее констатации (с. 113).

Плодотворным утверждением диссертантки является ее утверждение о том, что искусство повествования Б. К. Зайцева сопоставимо с понятием «лирическая публицистика», что выражается в «субъективации повествования», расширяющей возможности творца текста; интимизации взаимоотношений автора с аудиторией и «интимизации изложения» (термин Ю. А. Бельчикова), экспрессивности его очерков. Любопытно то, что, по наблюдениям Ю. Н. Мажариной, писатель «нередко обращался к воображаемым адресатам в форме лирического монолога, вступал в диалог с ушедшим» (с. 119). Отметим, что это тоже прием «возвращения героя из небытия».

При анализе творческой лаборатории Б. К. Зайцева диссертантка раскрывает умение писателя показать психологизм характеров героев очерков, умение персонализировать и типологизировать их. Наиболее основательно она исследует диалогизм прозы Б. К. Зайцева, считая «диалогизацию – неотъемлемой чертой его публицистики», а диалоги одним из основных средств объективации повествования; именно через них раскрываются характеры героев.

«Ориентируясь на устную речь, - замечает Ю. Н. Мажарина, - и включая в текст мемуарных портретных очерков сигналы спонтанного устного рассказа, создающие иллюзию живости, естественности и непринужденности воспоминаний, Б. К. Зайцев ведет диалог с собой, с другими, с эпохой» (с. 120).

Здесь можно было бы особо подчеркнуть включенность в этот диалог оппозиции. Антибольшевизм писателя, неприятие им революции, ее итогов, его религиозные взгляды во многом определяли эту особенность его диалога с читателем – присутствие зримого или

незримого оппонента, имеющего другие жизненные позиции и взгляды. Б. К. Зайцев крайне тенденциозен при воссоздании образов тех, кто, так или иначе, принимал Совдепию – образов М. Горького, А. Блока, В. Брюсова, В. Хлебникова и др. В этом случае автору диссертации нельзя ориентироваться на собственную влюбленность в предмет или объект исследования, необходимо сохранять объективную позицию. К примеру, поэтическое мастерство А. Блока, по Зайцеву, несовершенно: «У него, якобы, не было особой выработки, «достижения» его весьма невелики» (с. 109). С этим трудно согласиться.

На мой взгляд, основным противоречием литературного процесса первой половины XX столетия было то, что перед писателями этого исторического периода стоял совершенно новый, массовый читатель. Его пришествие было отмечено еще в дореволюционную эпоху. Гигант Л. Н. Толстой в этом смысле был первопроходцем. Он пытался выйти на разговор и с этим читателем. И А. Блок, и В. Брюсов, не говоря уже о В. Хлебникове, несколько позже, но тоже искали пути к новой аудитории. Б. К. Зайцев, нутром ощущая это, пишет о А. Блоке как о «Беатриче у кабацкой стойки».

Еще в 1998 г. в книге «Между двух войн: Журналистика русского зарубежья. 1920-1940 годы», открывавшей тогда историю журналистики эмиграции из России, я отмечал то, что ее типология повернута в прошлый - XIX век (преобладал журнал, радио вообще не было). Такая же ситуация сложилась и с творчеством писателей: оно было ориентировано, в отличие от советских писателей – худо-бедно, но творивших для масс, – на старую аудиторию, характерную дореволюционной России. Исходя из сказанного, трудно согласиться с выводом Ю. Н. Мажариной в следующей формулировке: «Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева предельно документальны» (с. 140). Предвзятая позиция к герою мемуаров, который хорошо известен, заранее обречена на субъективизм и тенденциозность. Это не типаж художественного произведения. Мастерство Б. К. Зайцева – мемуариста в диссертации исследуется через его искусство повествования, способ контаминации разных типов повествования, поэтику образа, публицистические и художественно публицистические творческие приемы, через соотнесенность «прежнего и нынешнего авторского «Я» («Я познакомился с Осоргиным в Риме в 1908 г.»; «Я много лет знал покойного...»); «Помню его еще по Москве, в 21-22 гг.» и т. д. – с. 116); через «образы-концентраты» (с. 123 – неудачный термин); культурные

реминисценции, двойные эпитеты, пейзаж, интерьер, детали быта, речь героев и т. д.

Пожалуй, уровень осмысления проблем, решаемых в диссертации, наиболее показателен в заключении к работе, где ряд спорно изложенных ранее положений и противоречий текста отсутствует. Для иллюстрации сошлюсь на «во-вторых»: «Мемуарные портретные очерки интересны тем, как Б. К. Зайцев рассказывает о своих героях. Мемуариста интересует индивидуальная неповторимость характеров людей... (И т. д.) мемуарист предлагает читателю не просто документальную реконструкцию прошлого (предметный мир в его деталях и подробностях), а скорее любопытную, эмоциональную картину переживаний человека, оторванного от Родины, но живущего памятью о ней и мечтающего хотя бы частичку этой памяти сохранить как то, что реально было». В этом смысле мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева действительно документальны.

Работа Ю. Н. Мажариной выписана интересно, хорошим русским языком. Есть, правда, у автора одна привычка, от которой надо бы в будущем избавиться: частое и ненужное использование слова «свой» (с. 41 – свой взгляд?, 51 – свой отец?, 55, 66, 70, 71, 73, 112 и др.). На стр. 70 диссертантка, пытаясь обыграть это слово, употребляет его в двух абзацах 7 раз.

Апробация идей и материала рецензируемой работы была вполне самостоятельной. Об этом свидетельствуют напечатанные автором 22 публикации, включая 3 статьи в изданиях списка ВАК. Автореферат диссертации Ю. Н. Мажариной вполне соответствует ее содержанию.

Таким образом, анализ диссертации Ю. Н. Мажариной показал ее научную состоятельность: актуальность и новизну; решение оригинальных, новых проблем; богатство фактографического материала; всестороннее и достаточно логичное, доказательное раскрытие сложной темы; показ творчества крупного русского писателя во всей его полноте, с его особенностями как в его проблемно-тематическом комплексе, так и в его формообразованиях, с его достижениями и противоречиями.

Диссертация Юлии Николаевны Мажариной «Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева: особенности поэтики» полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., а ее автор заслуживает присуждения ученой степени

кандидата филологических наук по специальности 10.01.10 – журналистика

Официальный оппонент
Жирков Геннадий Васильевич,
Доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
профессор кафедры истории журналистики,
Почетный профессор СПбГУ,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Почтовый адрес: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 1-я линия, 26.

Тел./факс: (8-812) 328-35-34
(8-812) 328-31-84

E-mail: cafist@mail.ru

«30» ноября 2014 года

